

Максим Горький

Варенька Олесова

Максим Горький
Варенька Олесова

«Public Domain»

1896

Горький М.

Варенька Олесова / М. Горький — «Public Domain», 1896

«...Через несколько дней после назначения приват-доцентом в один из провинциальных университетов Ипполит Сергеевич Полканов получил телеграмму от сестры из её имения в далёком лесном уезде, на Волге. Телеграмма кратко сообщала: “Муж умер, ради бога немедленно приезжай помочь мне. Елизавета”».

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Максим Горький Варенька Олесова

I

... Через несколько дней после назначения приват-доцентом в один из провинциальных университетов Ипполит Сергеевич Полканов получил телеграмму от сестры из её имения в далёком лесном уезде, на Волге.

Телеграмма кратко сообщала:

«Муж умер, ради бога немедленно приезжай помочь мне. Елизавета».

Этот тревожный призыв неприятно взволновал Ипполита Сергеевича, нарушая его намерения и настроение. Он уже решил уехать на лето в деревню к одному из товарищей и работать там, чтобы с честью подготовиться к лекциям, а теперь нужно ехать за тысячу с лишком вёрст от Петербурга и от места назначения, чтоб утешать женщину, потерявшую мужа, с которым, судя по её же письмам, ей жилось не сладко.

Последний раз он видел сестру года четыре тому назад, переписывался с нею редко, между ними давно уже установились те чисто формальные отношения, которые так обычны между двумя родственниками, разъединёнными расстоянием и несходством жизненных интересов.

Телеграмма вызвала у него воспоминание о муже сестры. Это был добродушный человек, любивший выпить и покушать. Лицо у него круглое, покрытое сетью красных жилок, глазки весёлые, маленькие; он плутовато прищуривал левый и, сладко улыбаясь, пел на сквернейшем французском языке:

Regardez par ci, regardez par la...¹

Ипполиту Сергеевичу было как-то неловко верить, что этот весёлый малый умер, потому что люди пошлые обыкновенно долго живут.

Сестра относилась к слабостям этого человека с полупрезрительным снисхождением; как женщина неглупая, она понимала, что «в камень стрелять – только стрелы терять». Едва ли её сильно огорчила смерть мужа.

Но отказать ей в просьбе было бы неудобно. Работать можно и у неё не хуже, чем где-нибудь...

Ипполит Сергеевич решил ехать, и недели через две, тёплым июньским вечером, утомлённый сорокавёрстным путешествием на лошадях от пристани до деревни, он сидел за столом против сестры на террасе, выходившей в парк, и пил вкусный чай.

У перил террасы пышно разрослись кусты сирени, акаций; косые лучи солнца, пробиваясь сквозь их листву, дрожали в воздухе тонкими золотыми лентами. Узорчатые тени лежали на столе, тесно уставленном деревенскими яствами; воздух был полон запахом липы, сирени и влажной, согретой солнцем земли. В парке шумно щебетали птицы, иногда на террасу влетала пчела или оса и озабоченно жужжала, кружась над столом. Елизавета Сергеевна брала в руки салфетку и, досадливо размахивая ею в воздухе, изгоняла пчёл и ос.

Полканов уже успел заметить, что сестра – как он и думал – не особенно огорчена смертью мужа, что она смотрит на него, брата, испытующе и, говоря с ним, что-то скрывает от

¹ Смотрите здесь, смотрите там... – Ред.

него. Он ожидал увидеть её нервной, бледной, утомлённой. Но теперь, глядя на её овальное лицо, покрытое здоровым загаром, спокойное, уверенное и оживлённое умным блеском светлых глаз, он чувствовал, что приятно ошибся, и, следя за её речами, старался подслушать и понять в них то, о чём она молчала.

– Я была подготовлена к этому, – говорила она спокойным контральто, и её голос красиво вибрировал на верхних нотах. – После второго удара он почти каждый день жаловался на колотья в сердце, перебои, бессонницу... Говорят, он там очень волновался, кричал... накануне он ездил в гости к Олесову – тут есть один помещик, полковник в отставке, пьяница и циник, разбитый подагрой. Кстати, у него есть дочь, – вот сокровище, я тебе скажу!.. Ты познакомишься с ней...

– Если нельзя избежать этого, – вставил Ипполит Сергеевич, с улыбкой взглянув на сестру.

– Нельзя! Она часто бывает здесь, а теперь, конечно, будет ещё чаще, – ответила она ему улыбкой же.

– Ищет жениха? Я не гожусь для этой роли.

Сестра пристально посмотрела в его лицо, овальное, худое, с острой чёрной бородкой и высоким белым лбом.

– Почему же не годишься? Я, конечно, говорю вообще, без мысли об этой Олесовой – ты поймёшь почему, когда увидишь её – но ведь ты думаешь же о женитьбе?..

– Пока ещё нет, – кратко ответил он, подняв от стакана свои глаза, светло-серые с сухим блеском.

– Да, – задумчиво сказала Елизавета Сергеевна, – в тридцать лет делать этот шаг для мужчины и поздно и рано...

Ему нравилось, что она перестала говорить о смерти мужа, но – зачем же, однако, она так пугливо позвала его к себе?

– Нужно жениться в двадцать лет или в сорок, – задумчиво говорила она, – так меньше риска обмануться самому и обмануть другого человека... а если и обманешь, то в первом случае платишь ему за это свежестью своего чувства, во втором же... хотя бы внешним положением, которое почти всегда солидно у мужчины в сорок лет.

Ему казалось, что она говорит это больше для себя, чем для него, он молчал, откинувшись в кресло, глубоко вдыхая ароматный воздух.

– Так я говорила – накануне он был у Олесова и, конечно, пил там. Ну и вот... – Елизавета Сергеевна печально тряхнула головой. – Теперь я... осталась одна... хотя я уже с третьего года жизни с ним почувствовала себя внутренне одинокой. Но теперь такое странное положение! Мне двадцать восемь лет, я не жила, а состояла при муже и детях... дети умерли.

Что я теперь? Что мне делать и как жить? Я продала бы это имение и поехала за границу, но его брат претендует на наследство, возможен процесс. Я не хочу уступать своего без законных к тому оснований и не вижу их в претензии его брата. Как ты об этом думаешь?

– Ты знаешь, я не юрист, – усмехнулся Ипполит Сергеевич. – Но ты расскажи мне всё это... посмотрим. Этот брат – он писал тебе?

– Да... и довольно грубо. Он – жуир, разорённый, сильно опустившийся... муж не любил его, хотя в них много общего.

– Посмотрим! – сказал Ипполит Сергеевич и довольно потёр руки. Ему было приятно узнать, зачем он нужен сестре, – он не любил ничего неясного и неопределённого. Он заботился прежде всего о сохранении внутреннего равновесия, и, если нечто неясное нарушало это равновесие, – в душе его поднималось смутное беспокойство и раздражение, тревожно побуждавшее его поскорее объяснить это непонятное, уложить его в рамки своего миропонимания.

– Говоря откровенно, – тихо и не глядя на брата объяснила Елизавета Сергеевна, – меня испугала эта нелепая претензия. Я так утомлена, Ипполит, так хочу отдохнуть, а тут опять что-то начинается.

Она тяжело вздохнула и, взяв его стакан, продолжала унылым голосом, неприятно щеко-тавшим нервы её брата:

– Восемь лет жизни с таким человеком, как покойный муж, мне кажется, дают право на отдых. Другая на моём месте – женщина с менее развитым чувством долга и порядочности – давно бы порвала эту тяжёлую цепь, а я несла её, хотя изнемогала под её тяжестью. А смерть детей... ах, Ипполит, если бы ты знал, что я переживала, теряя их!

Он смотрел в лицо ей с выражением сочувствия, но её жалобы не трогали его души. Ему не нравился её язык, какой-то книжный, несвойственный человеку, глубоко чувствующему, а светлые глаза её странно бегали из стороны в сторону, редко останавливаясь на чём-либо.

Жесты у неё были мягкие, осторожные, и от всей её стройной фигуры веяло внутренним холодом.

На перила террасы села какая-то веселая птичка, попрыгала по ним и упорхнула. Брат и сестра, проводив её глазами, несколько секунд молчали.

– Бывает у тебя кто-нибудь? Читаешь ты? – спросил брат, закуривая папиросу и думая о том, как хорошо было бы в этот славный тихий вечер молчать, сидя в покойном кресле тут на террасе, слушая тихий шелест листвы и ожидая ночь, которая придёт, погасит звуки и зажжёт звёзды.

– Бывает Варенька, потом изредка заезжает Банарцева... помнишь её? Людмила Васильевна... она тоже плохо живёт со своим супругом... но она умеет не обижать себя. У мужа много бывало мужчин, но интересных – ни одного! Положительно, не с кем словом перекинуться... хозяйство, охота, земские дразги, сплетни – вот и всё, о чём они говорят...

Впрочем, один есть... кандидат на судебные должности Бенковский... молодой и очень образованный. Ты помнишь Бенковских? Подожди! Кажется, едет.

– Кто едет, этот Бенковский? – спросил Ипполит Сергеевич.

Его вопрос почему-то рассмешил сестру; смеясь, она встала со стула и сказала каким-то новым голосом:

– Варенька!

– А!

– Посмотрим, что ты о ней скажешь... Здесь она всех победила. Но какой же это урод с духовной стороны! А впрочем – вот сам увидишь!

– Не хотел бы, – равнодушно заявил он, потягиваясь в своём кресле.

– Я сейчас вернусь, – сказала Елизавета Сергеевна, уходя из комнаты.

– А она без тебя явится, – обеспокоился он. – Не уходи, пожалуйста, лучше я уйду!

– Да я сейчас же! – крикнула ему сестра из комнат.

Он поморщился и остался в своём кресле, глядя в парк. Откуда-то доносился быстрый топот лошади и шорох колёс о землю.

Перед глазами Полканова стояли ряды старых корявых лип, окутанные сумраком вечера. Их ветви переплелись друг с другом, образовали сверху густой навес пахучей зелени, и все они, дряхлые от времени, с потрескавшейся корой, с обломанными сучьями, казались живой и дружной семьёй существ, тесно сплочённых стремлением вверх к свету. Но кора их стволов была сплошь покрыта жёлтым налётом плесени, у корней густо разросся молодятник, и от этого на старых мощных деревьях было много засохших ветвей, висевших в воздухе безжизненными скелетами.

Ипполит Сергеевич смотрел на них и чувствовал желание уснуть тут в кресле, под дыханием старого парка.

Между стволов и ветвей просвечивали багровые пятна горизонта, и на его ярком фоне деревья казались ещё более мрачными, истощёнными. По аллее, уходившей от террасы в сумрачную даль, медленно двигались густые тени, и с каждой минутой росла тишина, навевая какие-то смутные фантазии. Воображение, поддаваясь чарам вечера, рисовало из теней силуэт одной знакомой женщины и его самого рядом с ней. Они молча шли вдоль по аллее туда, вдаль, она прижималась к нему, и он чувствовал теплоту её тела.

– Здравствуйте! – раздался густой грудной голос. Он вскочил на ноги и оглянулся, немного смущённый. Пред ним стояла девушка среднего роста в сером платье, на голове у неё было накинуто что-то белое и воздушное, как фата невесты, – это всё, что он заметил в первое мгновение.

Она протягивала ему руку, спрашивая:

– Ипполит Сергеевич, да? Олесова... Я уже знала, что вы приедете сегодня, и явилась посмотреть, какой вы. Никогда не видала учёных и... не знала, что они могут быть такие.

Его руку крепко пожимала сильная и горячая маленькая ручка, а он, немного растерявшись под этим натиском, молча кланялся ей, сердился на себя за своё смущение и думал, что, когда он взглянет ей в лицо, то на нём увидит откровенное и грубое кокетство.

Но, взглянув, он увидел большие, тёмные глаза, они простодушно и ласково улыбались, освещая красивое лицо. Ипполит Сергеевич вспомнил, что такое же лицо, гордое здоровой красотой, он видел на одной старой итальянской картине. Такой же маленький рот с пышными губками, такой же лоб, выпуклый и высокий, и огромные глаза под ним.

– Позвольте... я скажу, чтоб дали огня... пожалуйста, садитесь, – попросил он её.

– Да вы не беспокойтесь, я ведь здесь как дома, – сказала она, садясь в его кресло.

Он стоял у стола и молча смотрел на неё, зная, что это неловко и что ему нужно говорить. Но она, не смущаясь под его пристальным взглядом, сама спрашивала его, как он доехал, нравится ли ему деревня, долго ли он тут проживёт; он односложно отвечал ей, точно оглушённый ударом; ум его, всегда ясный, теперь смутился перед силой внезапно и хаотически взволнованных чувств. Восхищение пред ней боролось с раздражением на себя и любопытство – с чем-то близким к боязни. Цветущая здоровьем девушка сидела против него, откинувшись на спинку кресла, плотно обтянутая материей костюма, позволявшего видеть пышные формы её плеч и груди, и звучным голосом, полным властных нот, говорила ему пустяки, обычные при первой встрече незнакомых людей. Её тёмно-каштановые волосы красиво вились, брови были темнее волос. На смуглой шее около розового, прозрачного уха трепетала кожа, обнаруживая быстрое движение крови в её жилах, на подбородке являлась ямка всякий раз, когда улыбка открывала её белые мелкие зубы, и от каждой складки её платья веяло раздражающим соблазном. Было нечто хищное в мелких зубах, блестящих из-за сочных губ, а её поза, полная непринуждённой прелести, напоминала о грации избалованных кошек.

Полканову казалось, что он раздвоился: одна половина его существа поглощена этой чувственной красотой и рабски созерцает её, другая механически отмечает состояние первой. Он отвечал на вопросы девушки и сам о чём-то спрашивал её, будучи не в состоянии оторвать глаз от её соблазнительной фигуры. Он уже назвал её про себя «роскошной самкой» и внутренне усмехнулся над собой, но это не уничтожило его раздвоения.

На террасе появилась его сестра, говоря:

– Скажите, какая ловкая! Я её ищу там, а она уже...

– Я обошла парком.

– Познакомились?

– О, да! Я думала, что Ипполит Сергеевич по крайней мере лысый!

– Налить тебе чаю?

– Пожалуй, налей.

Ипполит Сергеевич отошёл в сторону от них и стал у лестницы, спускавшейся в парк. Он провёл рукой по лицу и потом пальцами по глазам, точно стирал пыль с лица и глаз. Ему стало стыдно перед собой за то, что он поддался взрыву чувства, стыд уступил место раздражению против девушки. Он назвал про себя сцену с ней казацкой атакой на жениха, и ему захотелось заявить ей о себе как о человеке, равнодушном к её вызывающей красоте.

– Я ночую у тебя и завтра пробуду весь день... – говорила она его сестре.

– А как же Василий Степанович? – удивлённо спросила сестра.

– У нас гостит тётя Лучицкая... Ты знаешь, папа очень любит её...

– Извините меня, – сказал Полканов, – я очень утомлён и пойду отдохну...

Он поклонился и пошёл, а вслед ему раздалось одобрительное восклицание Вареньки:

– Вам давно следовало это сделать!

В тоне её восклицания он услышал только добродушие, но определил его как заискивающее, фальшивое.

Для него была приготовлена комната, служившая кабинетом мужу сестры. Среди неё стоял тяжёлый и неуклюжий письменный стол, перед ним дубовое кресло, у одной из стен, почти во всю длину её, развалился широкий турецкий диван, у другой – фисгармония и два шкапа с книгами. Несколько мягких стульев, курительный столик у дивана и шахматный у окна дополняли меблировку комнаты. Потолок был низок и закопчён, со стен смотрели тёмные пятна каких-то картин и гравюр в грубых золочёных рамах – всё было тяжело, старо и издавало неприятный запах.

На столе стояла большая лампа под голубым колпаком, и свет от неё падал на пол.

Ипполит Сергеевич остановился на границе этого светлого круга, испытывая неприятное чувство смутной тревоги, глядя на окна комнаты. Их было два; за ними и сумраке вечера рисовались тёмные силуэты деревьев. Он подошёл и растворил окна. Тогда комната наполнилась запахом цветущей липы и вместе с ним влетел весёлый взрыв здорового грудного смеха.

На диване ему приготовлена была постель, она занимала немного больше половины дивана.

Он посмотрел на неё и стал развязывать галстук, но потом резким движением толкнул кресло к окну и сел, нахмурившись.

Ощущение непонятной тревоги смущало и раздражало его. Чувство недовольства собой редко являлось в нём, но и являясь, никогда не охватывало его сильно и надолго – он умел быстро справляться с ним. Он был уверен, что человек должен понимать свои эмоции и развивать или уничтожать их, и, когда при нём говорили о таинственной сложности психической жизни человека, он, иронически усмехаясь, называл такие суждения «метафизикой».

Он спрашивал себя: неужели встреча с этой здоровой и красивой девушкой – должно быть, очень чувственной и глупой, – неужели эта встреча могла так странно повлиять на него? И, тщательно просмотрев порядок впечатлений этого дня, он должен был ответить утвердительно.

Да, это так, потому что она застала врасплох его ум, потому что он сильно утомлён путешествием и находился в непривычном ему настроении мечтательности в момент её появления пред ним.

Его несколько успокоило это размышление, и тотчас же она явилась пред его глазами в своей пышной красоте. Он созерцал её, закрыв глаза и нервозно вдыхая дым своей папиросы, но, созерцая, критиковал.

«В сущности она, – думал он, – вульгарна: слишком много крови и мускулов, мало нервов. Её наивное лицо неинтеллигентно, а гордость, сверкающая в открытом взгляде её глубоких тёмных глаз, – это гордость женщины, убеждённой в своей красоте и избалованной поклонением мужчин. Сестра говорила, что эта Варенька всех побеждает. Конечно, она попытается победить и его. Но он приехал сюда работать, а не шалить, и она скоро поймёт это».

«А не много ли я думаю о ней для первой встречи?» – мелькнуло у него в голове.

Диск луны, огромный, кроваво-красный, поднимался за деревьями парка; он смотрел, как глаз чудовища. Неясные звуки носились в воздухе, долетая со стороны деревни. Под окном в траве порой раздавался шорох: должно быть, крот или ёж шли на охоту. Где-то пел соловей. И луна так медленно поднималась на небо, точно роковая необходимость её движения была понятна ей и утомляла её.

Выбросив за окно угасшую папиросу, Полканов встал, разделся и погасил лампу. Тогда в комнату из сада хлынула тьма, деревья подвинулись к окнам, точно желая оглянуть в них, на пол легли две полосы лунного света, слабого и мутного.

Пружины дивана пискливо скрипнули, и, охваченный приятной свежестью полотняного белья, Полканов вытянулся и замер, лёжа на спине. Скоро он уже дремал и слышал под окном у себя чьи-то осторожные шаги и густой шёпот:

– Ма-арья... Ты тут?

Улыбаясь, он заснул.

Утром, проснувшись в ярком сиянии солнца, наполнявшем комнату, он тоже улыбался, вспоминая о девушке. К чаю он явился тщательно одетый, сухой и серьёзный, как и подобало учёному; но когда он увидел, что за столом сидит одна сестра, у него невольно вырвалось:

– А где же...

Лукавая улыбка сестры остановила его раньше, чем он окончил свой вопрос, и он, замолчав, сел к столу. Елизавета Сергеевна подробно осмотрела его костюм, не переставая улыбаться, Его злила эта улыбка.

– Она давно уже встала, мы с ней ходили купаться, и теперь она, наверное, в парке и должна скоро явиться, – объясняла Елизавета Сергеевна.

– Как ты подробно, – усмехнулся он. – Пожалуйста, – вели сейчас же после чая распаковать мои вещи.

– И вынуть их?

– Нет, нет, этого не надо. Я сам, а то всё перепутают... Там есть для тебя конфеты и книги.

– Спасибо! Это мило... А вот и Варенька!

Она явилась в дверях в лёгком белом платье, пышными складками падавшем с её плеч к ногам. Костюм её был похож на детскую блузу, и сама она в нём смотрела ребёнком.

Остановившись на секунду в дверях, она спросила:

– Разве вы ждали меня? – и бесшумно, как облако, подошла к столу.

Ипполит Сергеевич молча поклонился ей и, пожимая её руку, обнажённую до локтя, ощутил нежный аромат фиалок, исходивший от неё.

– Вот надушилась! – воскликнула Елизавета Сергеевна.

– Разве больше, чем всегда? Вы любите духи, Ипполит Сергеевич? Я – ужасно! Когда есть фиалки, я каждое утро рву их и растираю в руках, это я научилась ещё в прогимназии... Вам нравятся фиалки?

Он пил чай и не смотрел на неё, но чувствовал её глаза на своём лице.

– Я никогда не думал над тем, нравятся они мне или нет, – пожав плечами, сухо сказал он, но, взглянув на неё, невольно улыбнулся.

Оттенённое снежно-белой материей её платья, лицо у неё горело пышным румянцем, и глубокие глаза сверкали ясной радостью. Здоровьем, свежестью, бессознательным счастьем веяло от неё. Она была хороша, как ясный майский день на севере.

– Не думали? – воскликнула она. – Но как же, – ведь вы ботаник.

– А не цветовод, – кратко пояснил он и, недовольно подумав, что, пожалуй, это грубо, отвёл глаза свои в сторону от её лица.

– А ботаника и цветоводство не одно и то же? – спросила она, помолчав.

Его сестра, не стесняясь, засмеялась. А он почувствовал, что этот смех почему-то корбит его, и с сожалением воскликнул про себя:

«Да она глупа!»

Но потом, поясняя ей разницу между ботаникой и цветоводством, он смягчил свой приговор – она только невежда. Слушая его толковую и серьёзную речь, девушка смотрела на него глазами внимательной ученицы, и это нравилось ему.

– Да-а, – протянула Варенька, – вот как это! А что, ботаника интересная наука?

– Гм! Видите ли, на науки нужно смотреть с точки зрения той пользы, которую они приносят людям, – объяснил он со вздохом. Её неразвитость усиливала в нём симпатию к ней. А она, задумчиво постукивая ложкой по краю своей чашки, спрашивала его:

– Какая же может быть польза от того, что вы узнаете, как растёт репей?

– Та же, которую мы извлекаем, изучая явления жизни в каком-нибудь одном человеке.

– Человек и репей, – улыбнулась она. – Разве один человек живёт, как все?

Ему было странно, что этот неинтересный разговор не утомляет его.

– Разве я ем и пью так же, как мужики? – серьёзно, сдвигая брови, продолжала она. – И разве многие живут так, как я?

– А как вы живёте? – спросил он, предчувствуя, что этот вопрос изменит тему разговора.

– Как я живу? – вскричала девушка. – Хорошо! – И она даже закрыла глаза от удовольствия. – Знаете, я просыпаюсь утром, и, если день ясный, мне становится сразу ужасно весело! Точно мне подарили что-то дорогое и красивое, такое, что я давно хотела иметь...

Бегу купаться – у нас река на ключах – вода холодная, так и щиплет тело! Есть очень глубокие места, и я туда прямо с берега вниз головой – бух! Так всю и обожжёт... летишь в воду, как в пропасть, и в голове шумит... Вынырнешь, вырвешься из воды, – солнце смотрит на тебя и смеётся. Потом иду лесом домой, наберу цветов, надышусь лесным воздухом допьяна; приду – чай готов! Пью чай, а предо мной стоят цветы... и солнце на меня смотрит... Ах, если бы вы знали, как я люблю солнце! Потом наступает день и начинаются хлопоты по хозяйству... все меня любят, сразу понимают, слушаются, – и всё кружится колесом вплоть до вечера... потом солнце заходит, луна, звёзды являются... до чего это всё хорошо и как ново всегда! Вы понимаете? Я не умею понятно сказать... почему так хорошо жить... Но, может быть, вы чувствуете это и сами, да? Ведь вам понятно, почему жизнь такая хорошая, интересная?

– Да, конечно! – подтвердил он, готовый рукой стереть с лица сестры тонкую, насмешливую улыбку.

Он смотрел на Вареньку, не мешая себе любоваться ею, трепетавшей от желания передать ему силу наполняющего её существо ликования.

– А зима? Любите вы зиму? Она вся белая, здоровая, задорная, вызывающая бороться с ней...

Резкий звонок перебил её речь. Звонила Елизавета Сергеевна, и, когда в комнату влетела высокая девушка с круглым добрым лицом и плутоватыми глазами, она сказала ей утомлённым голосом:

– Убирайте посуду, Маша.

Потом озабоченно начала ходить по комнате, громко шаркая ногами.

Всё это несколько отрезвило увлечённую девушку; она повела плечами, как бы стряхивая с них что-то, и, немножко смущённая, спросила Полканова:

– Я надоела вам своими рассказами?

– Ну, что это вы! – протестовал он.

– Нет, серьёзно, – я показалась вам глупой? – добивалась она.

– Но – почему же?! – воскликнул Ипполит Сергеевич и удивился, что это у него вышло так горячо и искренно.

– Я дикая... необразованная... Но я очень рада говорить с вами;.. потому что вы учёный и такой... не такой, каким я вас себе представляла.

– А вы как представляли себе меня? – осведомился он, улыбаясь.

– Я думала, вы всё будете говорить разные мудрости... это не так, а вот этак, и все глупы, а я – умница... У папы гостил товарищ, тоже полковник, как и папа, и тоже учёный, как вы. Но он военный учёный... как это?.. генерального штаба... он был ужасно надутый... по-моему, он даже ничего и не знал, а просто хвастался...

– Вы и меня таким же представляли? – спросил Ипполит Сергеевич.

Она сконфузилась, покраснела и, вскочив со стула, смешно забегала по комнате, растерянно говоря:

– Ах, как вы... ну, разве я могла...

– Ну, вот что, милые мои дети, – глядя на них прищуренными глазами, заявила Елизавета Сергеевна, – я пойду кое-чем заняться по хозяйству, а вас оставлю на волю божию!

Смеется, она исчезла. Ипполит Сергеевич укоризненно посмотрел ей вслед и подумал, что нужно будет поговорить с ней о её манере держаться по отношению к этой, в сущности, очень милой, только неразвитой девушке.

– Знаете что – хотите кататься в лодке? Доедем до леса, там пойдём гулять и к обеду вернёмся. Идёт? Я ужасно рада, что сегодня такой ясный день и я не дома... А то у папы опять разыгралась подагра, и мне пришлось бы возиться с ним. А папа капризный, когда болен...

Он, удивлённый её эгоизмом, не сразу ответил согласием, а когда ответил, то вспомнил намерение, которое возникло у него вчера, с которым он вышел сегодня поутру из своей комнаты. Но пока ведь она не даёт оснований для того, чтобы заподозрить её в желании победить его сердце? В её речах можно видеть всё, кроме кокетства. И, наконец, почему же не провести один день с такой несомненно оригинальной девушкой?

– А вы умеете грести? Плохо? Это ничего, я буду сама, я сильная.

Они вышли на террасу, спустились в парк. Рядом с его длинной и худой фигурой она казалась ниже ростом и полнее. Он предложил было ей руку, но она отказалась.

– Зачем? Это хорошо, когда устанешь, а так только мешает идти...

Он улыбался, глядя на неё через свои очки, и шёл, соразмеряя свои шаги с её шагами, что ему очень нравилось. Походка у неё была лёгкая и красивая, – её белое платье плыло вокруг её стана, не колыхаясь ни одной складкой. В одной руке она держала зонт, другой свободно и красиво жестикуюлировала, рассказывая ему о красоте окрестностей деревни. Эта рука, по локоть обнажённая, сильная и смуглая, покрытая золотистым пухом, двигаясь в воздухе, заставляла глаза Ипполита Сергеевича внимательно следить за ней. И опять у него в тёмной глубине души трепетала непонятная, смутная тревога. Он старался уничтожить её, спрашивая себя: что побуждает его идти за этой девушкой? и отвечал себе: – любопытство; спокойное и чистое желание созерцать её красоту.

– Вот и река! Идите и садитесь в лодку, а я сейчас достану вёсла...

И она исчезла среди деревьев, прежде чем он успел попросить её указать ему, где можно найти вёсла.

В неподвижной, холодной воде реки отражались деревья вниз вершинами; он сел в лодку и смотрел ни них. Эти призраки были пышнее и красивее живых деревьев, стоявших на берегу, осеняя воду своими изогнутыми и корявыми ветвями. Отражение облагораживало их, стущёвывая уродливое и создавая в воде яркую и гармоничную фантазию на мотивах убогой, изуродованной временем действительности.

Любуясь призрачной картиной, окружённой тишиной и блеском ещё не жаркого солнца, вдыхая вместе с воздухом песни жаворонка, полные счастья жить, Ипполит Сергеевич ощущал в себе возникновение нового для него, приятного чувства покоя, ласкавшего ум, усыпляя его постоянное стремление понимать и объяснять. Тихий мир царил вокруг, и в этом мире

неустанно совершалось безмолвное творчество природы, беззвучно создавалась жизнь, всегда поражаемая смертью, но непобедимая, тихо работала смерть, всё поражая, но не одерживая победы. А голубое небо сияло торжественной красотой.

На фоне картины в воде реки явилась белая красавица с ласковой улыбкой на лице. Она стояла там с вёслами в руках, точно приглашая идти к ней, молчаливая, прекрасная, и казалась отражённой с неба.

Ипполит Сергеевич знал, что это вышла из парка Варенька и что она смотрит на него, но ему не хотелось разрушать очарование ни звуком, ни движением.

– Скажите, какой вы мечтатель! – раздалось удивлённое восклицание.

Тогда он, с сожалением отвернувшись от воды, взглянул на девушку.

И сожаление исчезло, ибо эта девушка и в действительности была чарующе хороша.

– Вот уж нельзя подумать, что вы любите мечтать! У вас лицо такое строгое. Вы будете править, хорошо? Мы поедем вверх по течению... там красивее... И вообще против течения интереснее ехать, потому что гребёшь, двигаешься, чувствуешь себя...

Оттолкнутая от берега лодка лениво закачалась на сонной воде, но сильный удар вёсел сразу поставил её вдоль берега, и, перевалившись с борта на борт под вторым ударом, она легко скользнула вперёд.

– Мы поедем под горным берегом, потому что тут тень, – говорила девушка, разбивая воду ловкими ударами. – Только здесь слабое течение... а вот на Днепре – у тётки Лучицкой там именование – там, я вам скажу, ужас! Так и рвёт вёсла из рук... Вы не видели порогов на Днепре?..

– Только пороги дверей, – попытался сострить Ипполит Сергеевич.

– Я ездила через них, – смеясь, говорила она. – Хорошо! Однажды чуть не разбила лодку, непременно утонула бы тогда...

– Ну, это уж было бы нехорошо, – серьёзно сказал Ипполит Сергеевич.

– А что же? Я несколько не боюсь смерти, хотя и люблю жить. Может быть, и там тоже интересно, как на земле...

– А может быть, там ничего нет, – с любопытством взглянув на неё, сказал он.

– Ну, как же нет! – убеждённо воскликнула она. – Конечно, есть!

Она сидела против него, упиравшись маленькими ножками в перекладину, прибитую ко дну лодки, и с каждым ударом вёсел отклоняла свой корпус назад. Тогда под лёгкой материей платья рельефно обрисовывалась девичья грудь, высокая, упругая, вздрагивавшая от движений.

«Она не носит корсета», – подумал Ипполит Сергеевич, опуская глаза вниз. Но там они остановились на её ножках. Упираясь в дно лодки, они напрягались, и тогда были видны их контуры до колен.

«Что она – нарочно, что ли, надела это дурацкое платье?» – с раздражением подумал он и отвернулся, рассматривая высокий берег.

Плыли под крутым обрывом; с него свешивались кудрявые стебли гороха, плети тыков с бархатными листьями, большие жёлтые круги подсолнухов, стоя на краю обрыва, смотрели в воду. Другой берег, низкий и ровный, тянулся куда-то вдаль, к зелёным стенам леса, и был густо покрыт травой, сочной и яркой; из неё ласково смотрели на лодку милые, как детские глазки, голубые и синие цветы. Впереди тоже стоял тёмно-зелёный лес – и река вонзалась в него, как кусок холодной стали.

– Вам не жарко? – спросила Варенька.

Он взглянул на неё и почувствовал себя сконфуженным: на лбу у неё под короной вьющихся волос блестели капельки пота, а грудь поднималась часто и высоко.

– Простите, пожалуйста! – с раскаянием воскликнув он. – Я засмотрелся... вы утомились... дайте мне вёсла!

– Вот уж не дам! Вы думаете, я устала? Это даже обидно мне! Мы и двух вёрст не проехали... Нет, уж вы сидите... Сейчас пристанем и пойдём гулять.

По лицу её было видно, что с ней бесполезно спорить; он, досадливо пожав плечами, замолчал, с неудовольствием думая про себя:

«Очевидно, она считает меня слабым».

– Видите – вот это к нам дорога, – указала она ему на берег кивком головы. – Здесь брод через реку, до нас отсюда четырнадцать вёрст. У нас красивее, чем в вашей Полкановке.

– Вы и зиму живёте в деревне? – спросил он.

– А как же? Ведь я веду всё хозяйство, папа не встаёт с кресла... Его возят по комнатам.

– Но, должно быть, скучно вам жить так?

– Почему же? У меня ужасно много дела... а помощник один – Никон, денщик папы. Он уже старик и тоже пьёт, но страшный силач и знает своё дело. Мужики его боятся. Он – бьёт их, и они тоже раз как-то сильно побили его... очень сильно! Он замечательно честен и предан нам с папой... любит нас, как собака! Я тоже его люблю. Вы, может быть, читали один роман, где есть герой, офицер, граф Луи Граммон, и у него тоже денщик Сади-Коко?

– Не читал, – скромно сознался молодой учёный.

– Прочитайте непременно – это хороший роман, – уверенно посоветовала она ему. – Я Никона, когда он угодит мне, называю Сади-Коко. Сначала он сердился на меня за это, но я однажды прочитала ему этот роман, и теперь он знает, что для него лестно быть похожим на Сади-Коко.

Ипполит Сергеевич смотрел на неё так, как европеец смотрит на тонко выполненную статуэтку китайца. А она с жаром рассказывала ему о подвигах Сади-Коко, полных беззаветной преданности к графу Луи Граммон.

– Простите, Варвара Васильевна, – перебил он её речь, – а романы русских авторов вы читали?

– О да! Но я не люблю их – скучные! И пишут всё такое, что я сама знаю не хуже их.

Они не умеют выдумывать ничего интересного, и у них почти всё правда.

– А разве вы не любите правды? – ласково спросил Ипполит Сергеевич.

– Ах, да нет же! Я всем говорю правду в глаза и...

Она замолчала, подумала и спросила:

– А что же тут любить? Это моя привычка.

Он ничего не успел сказать ей на это, потому что она быстро и громко командовала ему:

– Правьте налево... скорее! Вон к этому дубу... Ай, какой вы неловкий!

Лодка не слушалась его руки и шла к берегу бортом, хотя он с напряжением ворочал воду своим веслом.

– Ничего, ничего, – говорила она и, вдруг поднявшись на ноги, прыгнула через борт.

Ипполит Сергеевич глухо вскрикнул, бросив весло и простирая за ней руки, но она невредима стояла на берегу, держа цепь лодки в руках и виновато спрашивая его:

– Я испугала вас?

– Я думал, что вы упадёте в воду, – тихо сказал он.

– Да разве можно тут упасть? И к тому же тут неглубоко, – оправдывалась она, подводя лодку к берегу. А он, сидя на корме, думал, что это нужно бы сделать ему.

– Видите, какой лес? – говорила она, когда он вышел на берег и стал рядом с ней. – Хорошо ведь? Там, около Петербурга, нет таких красивых лесов?

Перед ними лежала узкая дорога, ограждённая с обеих сторон стволами деревьев. Под ногами простирались узловатые корни, избитые колёсами телег, а над ними – густой шатёр из ветвей и где-то высоко – голубые клочья неба. Лучи солнца, тонкие, как струны, трепетали в воздухе, пересекая наискось узкий, зелёный коридор. Запах перегнивших листьев окружал их.

Мелькали птицы, нарушая важную тишину леса хлопотливым щебетаньем. Где-то стучал дятел, жужжала пчела и, как будто указывая им дорогу, в воздухе, впереди их, порхали два мотылька, преследуя один другого.

Шли медленно. Полканов молчал, не мешая Вареньке искать слова для выражения её мыслей, а она горячо говорила ему:

– Я не люблю читать о мужиках; что интересного в их жизни? Я знаю их, живу с ними и вижу, что о них пишут неверно, неправду. Они такими жалкими описываются, а они просто подлые, их совсем не за что жалеть. Они только одного и хотят – надуть вас, украсть у вас что-нибудь. Клянчат всегда, ноют, гадкие, грязные... А они ведь умные, о! они даже очень хитрые; как они мучат меня иногда, если б вы знали!

На лице её выразилось озлобление и скука. Ипполит Сергеевич был изумлён силой её волнения, но, не желая слушать эти барские выходки, перебил девушку:

– Вы говорили о французских писателях...

– Ах, да! То есть о русских, – поправила она его, успокоиваясь. – Вы спрашиваете – почему русские пишут хуже, – это ясно! потому что они не выдумывают ничего интересного. У французов герои настоящие, они и говорят не так, как все люди, и поступают иначе. Они всегда храбрые, влюблённые, весёлые, а у нас герои – простые человечки, без смелости, без пылких чувств, какие-то некрасивые, жалкенькие – самые настоящие люди и больше ничего!

Почему они герои? Никогда в русской книжке не поймёшь этого. Русский герой какой-то глупый и мешковатый, всегда ему тошно, всегда он думает о чём-то непонятном и всех жалеет, а сам-то жалкий-прежалкий! Подумает, поговорит, пойдёт объясняться в любви, потом опять думает, пока не женится, а женится – наговорит жене кислых глупостей и бросит её... Что в этом интересного? Меня злит это, потому что похоже на обман – вместо героя какое-то чучело торчит в романе! И никогда, читая русскую книжку, не забудешь о настоящей жизни, – разве это хорошо? А читаешь сочинение француза – дрожишь за героев, жалеешь их, ненавидишь, хочешь драться, когда они дерутся, плачешь, когда погибают... Страстно ждёшь, когда кончится роман, а прочтёшь его – чуть не плачешь с досады, что уже всё кончено. Зачем писать книжки, если не можешь сказать ничего необыкновенного? Странно, право!

– На это многое можно возразить вам, Варвара Васильевна, – остановил он поток её речей.

– Что же, возражайте! – разрешила она с улыбкой. – Вы, конечно, разнесёте меня.

– Постараюсь. Прежде всего, каких вы русских авторов читали?

– Разных... впрочем, все они одинаковые. Вот, например, Сальяс... он подражает французам, но плохо. Впрочем, у него русские герои, а разве о них можно писать интересно?

Ещё многих читала – Тургенева, Марковича, Пазухина, – даже по одной фамилии уже видно, что он не может хорошо писать! Вы его не читали? А читали ли вы Фортюне де Буагобэя? Понсон де Терайля? Арсена Гуссэ? Пьера Законнэ? Дюма, Габорио, Борна? Как хорошо, боже мой! Знаете что? Мне в романах больше всего нравятся злодеи, те, которые так ловко плетут разные ехидные сети, убивают, отравляют... умные они, сильные... и когда, наконец, их ловят – меня зло берёт, даже до слёз дохожу. Все ненавидят злодея, все идут против него – он один против всех! Вот – герой! А те, другие, добродетельные, становятся гадки, когда они побеждают... И вообще, знаете, мне люди до той поры нравятся, пока они хотят чего-нибудь, куда-нибудь идут, ищут чего-то, мучатся... но, если они дошли до цели своей и остановились, тут они уже неинтересны...

Возбуждённая, она медленно шла рядом с ним, красиво подняв голову и сверкая глазами.

Он смотрел ей в лицо и, нервно покручивая бородку, искал таких возражений, которые сразу сорвали бы с её ума эту грубую пелену пыли. Но, чувствуя себя обязанным возразить ей, он хотел ещё слушать её наивную болтовню, ещё видеть её увлечённой своими суждениями и искренно раскрывающей пред ним свою душу. Он никогда не слышал таких речей; они были

уродливы, но в то же время всё, что говорила она, как нельзя более гармонировало с её немного хищной красотой. Пред ним был ум неотшлифованный, оскорблявший его грубостью, и – женщина, соблазнительно прекрасная, раздражавшая его чувственность. Эти две силы давили на него всей энергией своей непосредственности, и нужно было что-нибудь противопоставить им. У него была ясная логика, он хорошо спорил с людьми своего круга. Но как говорить с ней, чтоб вызвать ум её на правильный путь и облагородить душу, изуродованную глупыми романами и обществом мужиков, солдата, пьяницы-отца?

– Ух, как я заговорила! – воскликнула она, вздыхая. – Надоело вам, да?

– Нет, но...

– Я, видите ли, рада очень вам. Мне до вас не с кем было поговорить. Ваша сестра, я знаю, не любит меня и всё сердится на меня... должно быть, за то, что я даю водки отцу, и за то, что побила Никона...

– Вы?! Побили! Э... как это вы? – изумился Полканов.

– Очень просто, отхлестала его папашинной нагайкой, вот и всё! Понимаете, молотьба, страшная горячка, а он, скот, пьян! Я рассердилась! Разве он смеет напиваться, когда кипит работа и везде нужен его глаз? Эти мужики, они...

– Но, послушайте же, Варвара Васильевна, – убедительно и как только мог мягче заговорил он, – разве это хорошо бить слугу? Благородно ли это? подумайте! Разве те герои, пред которыми вы преклоняетесь, бьют своих преданных Сади-Коко?

– О, ещё как! Граф Луи однажды такую пощёчину вlepил Коко, что мне даже жалко стало бедного солдатика. И что же я могу делать с ними, как не бить? Хорошо ещё, что могу... я ведь сильная! Пощупайте, какие у меня мускулы!

Согнув свою руку в локте, она гордо протянула её к нему. Он положил ладонь на её тело выше локтя и крепко сжал пальцы, но тотчас же опомнился и, смущённый, с краской на лице, оглянулся вокруг. Всюду безмолвно стояли деревья и только...

Он вообще не был скромен с женщинами, но эта своей простотой и доверчивостью делала его таким, хотя и разжигала в нём чувственность.

– У вас завидное здоровье, – сказал он, пристально и задумчиво рассматривая маленькую загорелую кисть её руки. – И я думаю, что у вас очень хорошее сердце, – неожиданно для себя вырвалось у него.

– Не знаю! – отозвалась она, качнув головой. – Едва ли, – у меня нет характера: иногда я жалею людей, даже тех, которых не люблю.

– Иногда только? – усмехнулся он. – Но ведь люди всегда достойны сожаления и сострадания.

– За что? – спросила она.

– Разве вы не видите, как они несчастны? Хотя бы эти, ваши мужики. Как тяжело им живётся и сколько несправедливости, горя, мучений в их жизни!

Это вырвалось у него горячо, и она внимательно взглянула в лицо ему, говоря:

– Вы, должно быть, очень добрый, если так говорите. Но ведь вы не знаете мужиков, не жили в деревне. Они несчастны – это верно, но кто же в этом виноват? Они ведь хитрые, и никто им не мешает сделаться счастливыми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.